

© *В. Л. Михайлова*

– цивилизаціум (происхождение понятия от двух слов: универсум и цивилизация) – общество высокого массового потребления – это тип современного общества, в котором основными становятся проблемы развития сферы услуг, производство товаров массового потребления и теоретического знания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Августин А. О граде Божьем / А. Августин. – М.: АСТ, 2000. – 1294 с.
2. Аристотель. Соч. в 4 т. / Аристотель; сост. и пер. Н. Н. Платоновой. – М.: Мысль, 1973. – Т. 1. – 448 с.
3. Бердяев Н. И. О назначении человека / Н. И. Бердяев – М.: Хранитель, 2006. – 478 с.
4. Зиновьев А. А. Я мечтаю о новом человеке / А. А. Зиновьев – М.: Алгоритм-Книга, 2007. – 231 с.
5. Ильинский И. М. А. А. Зиновьев: «человек – нормальный» / И. М. Ильинский // Зиновьевские чтения. – 2007. – № 3. – С. 7-10.
6. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 28-30.
7. Лазарев Ф. В., Брюс А. Литтл. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 264 с.
8. Паскаль Б. Из «Мыслей» // Размышления и афоризмы французских моралистов XVI – XVIII веков. – Л., 1987. – С. 230-278.
9. Платон. Государство. Кн. 4 / Платон / Пер. А. Н. Егунова // Платон. Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – С. 35-382.
10. Соловьёв В. С. Лекция «Исторические дела философии», произнесенная им 20 ноября 1880 г. в Санкт-Петербургском университете / В. С. Соловьёв // Вопросы философии. – 1988. – № 8. – С. 118-125.
11. Хамитов Н. В. Философия человека: от метафизики к метаантропологии / Н. В. Хамитов. – К.: Ника-Центр, 2002. – 334 с.
12. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31-33.

УДК: 165.0:130.1

В. Л. Михайлова - аспирантка кафедры социологии, философии и права Одесской национальной академии пищевых технологий

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОСМЫСЛЕНИЯ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Статья посвящена актуальной социально-философской проблеме выбора теории познания для исследования сущности и содержания правосознания в современном обществе. Автор аргументирует положение о том, что от выбора методологической исходной позиции в философском осмыслении правосознания как духовно-нравственного феномена дальнейшего развития общества зависит степень адекватности исследования задачам демократизации и становления правового государства.

Такой позиции, как показано в статье, соответствует парадигма постмодернистской эпистемологии, согласно которой правосознание представляет элемент социальной реальности и развивается на основе интересубъектных коммуникаций повседневного «жизненного мира». Поэтому оно является не пассивным отражением права в общественном сознании, а обладает первенством перед законом и государством, отражая подлинные интересы разных слоев населения и поэтому представляет собой множественность взглядов на право как механизм регламентации социального взаимодействия.

Автор на основании эпистемологических принципов осмысления сущности правосознания приходит к выводу о повышении реальной правосубъектности граждан как основной предпосылке

демократизации общества, в котором идеалом должна быть не законопослушность, а усвоение каждым гуманистических правовых ориентаций и применения на практике правового закона, соответствующего критериям равенства, свободы и справедливости.

Ключевые слова: правосознание, социальная философия, эпистемология, социальная реальность, интересубъектные коммуникации, правосубъектность, правовой закон.

ЕПІСТЕМОЛОГІЧНІ ПРИНЦИПИ ОСМИСЛЕННЯ СУТНОСТІ ТА ЗМІСТУ ПРАВОСВІДОМОСТІ

Стаття присвячена актуальній соціально-філософській проблемі вибору теорії пізнання для дослідження сутності та змісту правосвідомості в сучасному суспільстві. Автор аргументує положення про те, що від вибору методологічної вихідної позиції у філософському осмисленні правосвідомості як духовно-морального феномена подальшого розвитку суспільства залежить ступінь адекватності дослідження завданням демократизації та становлення правової держави.

Такій позиції, як показано в статті, відповідає парадигма постмодерністської епістемології, згідно з якою правосвідомість являє елемент соціальної реальності і розвивається на основі інтерсуб'єктних комунікацій повсякденного «життєвого світу». Тому воно є не пасивним відображенням права в суспільній свідомості, а має першість перед законом і державою, відображаючи справжні інтереси різних верств населення і тому являє собою множинність поглядів на право як механізм регламентації соціальної взаємодії.

Автор на підставі епістемологічних принципів осмислення сутності правосвідомості приходить до висновку про підвищення реальної правосуб'єктності громадян як основній передумові демократизації суспільства, в якому ідеалом повинна бути не законослухняність, а засвоєння кожним гуманістичних правових орієнтацій та застосування на практиці правового закону, відповідного критеріям рівності, свободи і справедливості.

Ключові слова: правосвідомість, соціальна філософія, епістемологія, соціальна реальність, інтерсуб'єктні комунікації, правосуб'єктність, правовий закон.

EPISTEMOLOGICAL PRINCIPLES OF COMPREHENSION OF LEGAL CONSCIENCE ESSENCE AND CONTENT

The article is devoted to an urgent social and philosophical problem of theory of knowledge choice for studying the essence and content of legal conscience in the modern society. The author proves the fact that a degree of study adequacy to the tasks of democratization and formation of the legal state depends on a choice of the methodological initial position in the philosophical comprehension of legal conscience as spiritual and moral phenomenon of further development of the society.

The paradigm of post-modernistic epistemology, according to which legal conscience presents an element of social reality and develops on the basis of intersubject communications of daily "vital world" corresponds to such a position, as it is shown in the article. So, it is not a passive reflection of law in public conscience, but possesses priority before the law and the state, reflecting original interests of different layers of population, and so it represents plurality of views concerning the law as a mechanism of regulation of social interaction.

On the basis of epistemological principles of comprehension of legal conscience essence, the author makes a conclusion about the raise of the real law of subject of citizens as a main precondition of the society democratization, the ideal of the society shouldn't be law-abidement, but everybody's mastering of humanist legal orientations and applying the legal law in practice, the law should correspond to the criteria of equality, freedom and justice.

Keywords: legal conscience, social philosophy, epistemology, social reality, intersubject communications, law of subject, legal law.

В эпоху радикальной смены парадигм социально-гуманитарных исследований, знаменующих переход цивилизации от модерна к постмодерну, особенно остро ощущается необходимость осмысления таких философских основ познания правосознания, которые бы соответствовали современному уровню потребностей социума и человека в социуме, которые бы открывали простор не только для правопорядка, но и для свободы личности, как важнейшей предпосылки самореализации и самоутверждения индивида в обществе.

Об актуальности этой проблемы свидетельствует развертывающийся в философской (и не только философской) литературе дискурс по поводу гуманистической и научной целесообразности смены классической гносеологии постнеклассической (постмодернистской) эпистемологией.

Данному вопросу посвящены философско-методологические исследования Д. А. Керимова, Л. А. Микешиной, В. С. Нерсисянца, П. М. Петровского, Н. М. Смирнова, И. А. Честнова, Е. В. Скурко. В современной философской и юридической литературе высказываются различные мнения по поводу актуальности методологических парадигм: от полного отрицания классической гносеологии и замены ее постмодернистской эпистемологией до совершенного неприятия последней. От выбора методологической исходной позиции зависит степень адекватности социально-философского исследования не только теоретическим, но и практическим потребностям совершенствования общественной деятельности в управлении, образовании и процессе формирования правосознания в демократическом обществе.

Исходя из актуальности проблемы, целью данной статьи является анализ основных тенденций в социально-философских теориях познания права и правосознания и их влияния на правовое воспитание молодежи.

Приверженцы классической гносеологии в исторической юриспруденции допускают в своих исследованиях существование единственно подлинного права – естественного или народного, основываясь на методологической установке, противопоставляющей субъект и объект правовых исследований: социальная реальность не строится на повседневности intersubъектных коммуникаций, а существует независимо от воли и сознания субъектов, которые лишь открывают при помощи разума или исторического опыта, объективно действующее право [8, с. 95], [9, с. 164]. В результате такого гносеологического подхода сам процесс познания правовой системы, включая и правосознание, оказывается однонаправленным. Субъект познавательной активности (государство, прежде всего), может полностью охватить своим сознанием и объяснить настоящее право, представляющее собой пассивный объект познания. А формирование правосознания молодежи в гносеологической парадигме сводится к изучению законов и воспитанию законопослушных граждан.

Но уже в XX веке учет новых социокультурных и ценностных факторов познания потребовал пересмотра фундаментальных положений, дополнения их постмодернистскими концепциями, включая в центр внимания философов культурологические аспекты познания и методологии наук о культуре (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей). Было замечено, что многие фундаментальные элементы знания и познавательной деятельности органически соединяют в себе когнитивные и ценностные начала, разъятие которых разрушает целостность и истинность, системность знания [4, с. 24-29].

В постмодернистской эпистемологии произошло смещение акцента с познания субъектно-объектных отношений к не менее фундаментальному *субъектно-субъектному отношению* в социальном взаимодействии. В этом подходе воплощается идея целостности человека, повышения его субъектности в праве, политике, экономической жизни. Стремление выразить назревшую потребность в новом подходе проявилась в отказе от употребления самих терминов «теория познания» и «гносеология». Все чаще их стали заменять термином «эпистемология», особенно после критики К. Поппера и отождествления им классической теории познания Локка, Беркли, Юма, Канта с «философией веры», которой противопоставлена современная эпистемология – гносеология научного познания роли человека в современной повседневной жизни.

Этим как бы подчеркивалось, что познание далеко не всегда имеет исключительно отражательную функцию, но скорее представляет собой творчески-созидательные, гипотетико-проблемные способы освоения социальной реальности, основанные на продуктивном воображении, intersubъектных соглашениях, социокультурных предпосылках, индивидуальном и коллективном жизненном опыте.

Тем самым предметное поле неклассической теории познания (эпистемологии) расширяется. Она становится гуманитарно-ориентированным синтетическим знанием, преодолевающим «голый теоретизм», ограниченную автономность познания с ее внутренними законами, не имеющими отношения к реальной познавательной деятельности. В общем и целом постмодернистская эпистемология предполагает переоценку гносеологического фундаментализма, признание многомерного образа реальности, а также неустранимой множественности описаний и «точек зрения», отношений дополнительности и взаимодействий между ними. Преодоление тотального господства одной (любой) доктрины – это, по существу, не только идеологическое, но и методологическое требование для философии познания XXI в. [9, с. 128].

Многих отечественных философов теперь привлекает в постмодернистской эпистемологии

познавательный потенциал интерактивной деятельности широкого круга людей по углублению и согласованию представлений о социальной реальности. Как отметил П. М. Петровский: «Философия постмодернизма сформировала систему методологических установок, которые ориентируют на разностороннее, глубинное и неисчерпаемое познание социума и человека как сложной ценностной конструкции. Познавательный и ценностный аспект этой философии дополняются раскрытием деятельностных, коммуникативных и творческих возможностей каждого человека» [6, 216-220].

В современной социальной философии правовое сознание рассматривается как одна из форм общественного сознания, которое, в свою очередь, представляется исследователю как чрезвычайно объемное, целостное и многостороннее социально-историческое явление и результат многовекового intersubjectного коммуникативного процесса познания социального взаимодействия.

В терминологии гносеологии права можно выделить два уровня: «теоретический» – углубленный в сущность разум и «практический» – адекватный правовой реальности рассудок, способность логического суждения, составляющие вместе всю сферу интеллектуальной познавательной способности человека, рассматриваемой как средство достижения истины, т. е. максимального сходства в соотношении образа познаваемой вещи, возникшей у субъекта познания, и «вещи в себе» [21, с. 8-9].

В отличие от естественно-научных проблем решение этой задачи затрудняется взаимопроникновением субъекта и объекта, что и составляет одну из существенных особенностей познания правосознания [12, с. 381-382]. Поэтому правосознание не является вполне одинаковым в разных социальных общностях. Правосознание отдельных людей и социальных групп может иметь существенные отличия в зависимости от специфики потребностей, от культурного развития, от среды и воспитания, от многих других причин и обстоятельств. Отсюда вытекает необходимость не только просвещения, образования, повышения культурного уровня членов общества в духе уважения права, соблюдения требований законности и правопорядка, но и учета особенностей жизненных интересов, обусловленных социально-экономическим статусом, менталитетом, национальными обычаями и традициями.

Определяясь, как и всякое сознание, общественным бытием, правосознание в своем развитии подвергается влиянию других факторов (государства, церкви, корпоративной иерархии власти). Философия ограничивается в исследовании сознания двумя видами: обыденным и теоретическим (рациональным, научным). Но не менее важным является промежуточный между ними или относительно самостоятельный его вид, а именно: практическое сознание, имеющее свою специфику и играющее весьма существенную роль в общественной жизнедеятельности.

Особенность правового познания выражается в диалектическом соединении трех различных уровней сознания: обыденного, непосредственно (эмоционально) отражающего правовые отношения людей в их повседневной жизнедеятельности; практического, основанного на опыте правотворческой и правореализующей деятельности; научного, теоретического, рационального, связанного с исследованием того круга явлений, познание которых необходимо для решения правовых проблем.

Уровни сознания, обусловленные интересами тех или иных социальных групп, конфликтами между передовыми и отсталыми взглядами, переплетаются, влияют друг на друга и оказывают в своей совокупности существенное воздействие на правотворческую и правореализующую деятельность. При этом нельзя игнорировать роль обыденного сознания в процессе создания правовых норм и их реализации, поскольку в них должны быть отражены интересы людей, возникающие в их непосредственном intersubjectивном общении друг с другом, выражены в гармоническом сочетании специфические традиции отдельных классов, наций и народностей, социальных слоев с общей волей всех членов общества. Но правотворчество и правореализация не достигнут действительности, если они не опираются на практическое сознание, обладающее достоинством «непосредственной действительности», опытом воздействия на реальные общественные отношения, общественное бытие. И, наконец, сложность регулируемых законодательством общественных отношений, необходимость рационального их осмысления и определения оптимальных путей их развития требуют выработки философского (мировоззренческого) научного сознания в процессе правотворчества и правореализации.

Иначе говоря, в процессе правотворчества и правореализации не просто воспроизводятся ценностные ориентации обыденного или практического сознания, – они критически осмысливаются и преобразуются с учетом научно обоснованной общественной целесообразности. Лишь гносеологическая трактовка обыденного сознания, доминирующая в философской литературе, повлекла за собой одностороннюю его оценку, отвлекла от исследования многообразных его

онтологічних форм, їх зв'язей, відношень, взаємопроникновень і в процесі соціального взаємодія різних громад людей. Само обиджене свідомість, як категорія лише гносеологічної значимості, обедняло, сужало його різноманітність, сприяло представленню о нем як о нисшій, неповноцінній, созерцательно-пасивній формі відображення дійсності.

Новий розуміння правової гносеології (епистемології) виникло в результаті осмислення необхідності подолання парадигми антиправового легізму, ідеологічного насліддя тоталітарних режимів. В радянській правозастосовній практиці легістське отождествлення ідеї права і юридичного закону означало, що держава захищає і произвольно вирішує, що є право людини. Радянська держава являлась фактично монопольним актором правової системи. В правосвідомості возобладали тоді системоцентристська (в протилежність сучасній людиноцентристській) концепція права. Підтримувачі легістської концепції вважали, що право представляє собою сукупність законів, прийнятих державою, санкціонованих і захищаних офіційними органами влади.

Отождествлення права (як ідеї) і закону, (як державного акту) складало принципову базу ідеології легізму. Легістське представлення о державі як абсолютній, єдиному джерелу права стало гносеологічним перешкодою для розуміння правосвідомості в контексті сучасних демократических і духовно-культурних перетворень в країні.

Альтернативу легізму складає і видвинута В. С. Нерсесянцем лібертарно-юридическа концепція права, визначає три суттєвих властивостей (критерії) права: 1) загальну рівну міру (норму), 2) формальну свободу всіх адресатів цієї рівної регулятивної міри (норми), 3) загальну справедливість цієї однакової рівної для всіх форм регуляції соціальних взаємовідносин.

Критерієм правового закону, по думці В. С. Нерсесянца, є його відповідність ідеї права, т. є. сутності, вище трієдиної сутності, права як соціального явлення. Згідно лібертарно-юридическої концепції метою правової епістемології є одержання істини о властивостях і характеристиках правового закону, об об'єктивній природі його формування в відміння від суб'єктивного (владно-волевого) процесу формування закону (актів позитивного права). Ця концепція створює філософську основу для підвищення правосуб'єктності всіх громадян.

Розуміння закону (позитивного права) як правового явлення включає в себе і відповідну трактування проблеми загальнообов'язковості закону, його забезпечення державною захистом, можливості застосування примусових заходів до правопорушників і т. д. Така специфіка санкцій закону (позитивного права), згідно лібертарно-юридическої гносеології (епистемології), обумовлена об'єктивною природою права (його общезначимістю і т. д.), а не волею (або произволом) законодавця. Це означає, що подібна санкція (забезпечення державною захистом і т. д.) правомірна і юридически обоснована тільки в разі правового закону [5, с. 64].

Необхідність того, щоб об'єктивна общезначимість (інтерсуб'єктна легітимність) права, виражена в правовому законі була признана, нормативно конкретизована і захищена державою (т. є. доповнена його офіційно-владною общезначимістю), виражає разом з тим необхідну зв'язь права і держави в умовах демократически-організованої життя громади. Держава, по значенню такого епістемологічного трактування, виступає як правової інститут, як інститут, необхідний для возведення общезначимого права в общезначимий закон з належної санкцією, для установлення і захисту правового закону. Насильство, згідно такому підходу, правомірно тільки в формі державної санкції правового закону.

Лібертарно-юридико-пізнавальна модель відміння і співвідношення права і закону (позитивного права) лежить в основі всіх суттєвих досягнень в сфері сучасної правової теорії і практики. Іменно з цих гносеологічесеских позицій були сформульовані (а згодом – офіційно признані і законодавчо закріплені в розвинутих системах національного права і в міжнародно-правових актах) ідеї і принципи неотчуждаємих прав і свобод людини, господства (правління) права, правового закону, правового держави і т. д.

З таким юридическим праворозумінням необхідним образом зв'язана і сама постановка питання о людеском (гуманитарному) відміренні права, о правових цінностях, об антиправовій сутності произвольного, насильственно-казового закону і насильственных форм правління, силового типу організації і здійснення політичесескої влади (од древнього деспотизма до сучасного тоталітаризма). Но в рамках юридического підходу к праву розмова іде не о свіденні

права к закону и теории права к учению о законе и догме позитивного права, а об использовании всей совокупности гносеологических приемов, средств и возможностей в процессе всестороннего познания права для получения достоверного и истинного знания о праве и законе [5, с. 61-67].

В эпистемологии правосознания эта особенность познания приобретает дополнительную отличительную черту даже по сравнению с институционализированным правом. Если в гносеологии формализованного права человека представлены в абстрактных понятиях, включающих его в мир объективных законов, регулирующих поведение людей на основе принципа формального равенства, то в эпистемологии правосознания мыслит субъект права, познающий, творящий законы, соразмеряющий их со своим пониманием мировоззренческих, нравственных, религиозных и эстетических принципов восприятия социально-правовой реальности. При этом «законы» правосознания скорее его принципы, в отличие от законов позитивного (объективного) права возникают и действуют стихийно, иногда вопреки официальным юридическим законам и административным предписаниям, формируются в процессе общественного равносубъектного дискурса, под влиянием стереотипов сложившихся обычаев и местных или исторических обстоятельств жизни людей.

Функции правосознания как продукта интересубъектного дискурса не ограничиваются отражением права в сознании, поддержкой или критикой официальных норм социального поведения, но проявляются и в непосредственном влиянии на правовую деятельность людей, используя свои институты принуждения, дополняя законы или даже подменяя и нарушая их, опираясь на общественное мнение общества или локальных групп этнического, религиозного характера, преступных групп, живущих не по закону, а «по понятиям», в них принятым, и исполняющих их под страхом наказаний или по убеждениям.

Таким образом, реальный мир правосознания поливариантен, противоречив и хаотичен. Индивид с детства вынужден приспосабливаться к своим социальным ролям, понимая, что официальная правоохранительная система далеко не всегда может его защитить от неофициальных институтов насилия и даже от самой себя в лице хотя бы «оборотней в погонах» и других субъектов беззакония. В условиях современной социальной и правовой реальности потеряло смысл именовать официальный закон «объективным» правом, а правосознание «субъективным явлением» [3, с. 27]. Правосознание более объективно, чем закон, потому что его нормы прошли многовековую апробацию в коммуникативной интеракции жизненного мира.

В условиях широко распространенной обыденной практики предоставления государственными служащими населению услуг за взятку, когда наиболее надежным способом защиты личного достоинства и справедливости является не суд, а самосуд, и если это соответствует действительности, то такое мнение в правосознании отнюдь не является субъективным, а отражает объективное правовое (инфраправовое) положение людей, проявления которого в обычной жизни были всегда («воры в законе», мафиозные структуры, рейдерские захваты частных предприятий) свои «законы» и санкции, порой очень жесткие, против их нарушителей в корпоративных сообществах, с которыми мирно уживаются правоохранительные институты и общественные сознание, в том числе и реальное (не только официально одобряемое) правосознание.

Д. А. Керимов отмечает, что юридическое познание – это не простое, не механическое, не зеркальное отражение, а многоэтапный, многоступенчатый мыслительный процесс обобщения, абстрагирования, образования понятий, обнаружения закономерностей развития отражаемого [2, с. 51].

Поэтому, на наш взгляд, настало время расширить категорию обыденного правосознания понятием правового менталитета, определяющего социально- правовое поведение людей в повседневной жизни, например, в неформальных межличностных договоренностях, в сфере бизнеса, в частном, гражданском праве, не прибегая каждый раз к оформлению документов, но строго соблюдая взаимные обязательства по неписанным законам данного круга людей, добровольно и на взаимовыгодной основе несущих ответственность за свои последующие действия, вследствие чего государственное право как бы вытесняется законом чести и общепринятого обыденного правопорядка.

Важнейшим средством функционирования таких структур является корпоративное правовое сознание, легитимирующее латентную структуру власти. Следовательно, не только государственная, но и любая другая власть вырабатывает свои варианты норм социального взаимодействия, поведения и специфического антиправосознания, обслуживающего эту латентную власть. Поэтому современная эпистемология правосознания в процессе познания истинного положения дел в этой сфере исходит из

концепции множественности социокультурных, правовых и нравственных направлений, форм их функционирования и внутренне противоречивой системы общественных, групповых и частных, индивидуальных интересов.

Социально-философский анализ правосознания подводит к мысли о том, что соотношения по содержанию и характеру, по направленности взаимодействия между общественным, групповым и индивидуальным правосознанием, с одной стороны, и объективным, т.е. государственно-санкционированным правом, с другой, отличаются огромным разнообразием не в пределах от взаимной адекватности до латентного, а иногда и явного противодействия.

Подтверждением такого вывода служит и смелое замечание, сделанное С. С. Алексеевым, еще в 80-х гг. вопреки общей позиции, которую занимали в то время философы и правоведы. Уже в то время он подчеркивал: «Особо, видимо, должна представляться несовпадающей с привычными представлениями мысль о том, что правосознание не целиком, а лишь в определенной своей части входит в правовую систему той или иной страны. Ведь и здесь есть разные уровни правового сознания, и есть, так сказать, противоборствующие элементы. Заметим также, что рассматриваемый подход к правосознанию позволяет всесторонне исследовать все его разно-плоскостные разновидности и формы, раскрыть свойственные им глубинные связи и взаимозависимости» [1].

Итак, в современной гносеологии права и правосознания сосуществуют парадигмы классической теории познания (субъектно-объектного исследования социального феномена права) и эпистемологического постмодернистского субъектно-субъектного познавательного дискурсивного взаимодействия. Соотношение между ними характеризуется скорее принципом дополнительности, чем альтернативности.

Непременным условием этого является развитие правосознания на базе качественно новой методологии, ориентированной на повышение правосубъектности граждан, когда первичным в правовом воспитании подрастающего поколения становится не изучение законов как самоцель, а усвоение гуманистических правовых ориентаций, их применение на основе критериев правового закона – формального равенства, свободы, справедливости. Только, ориентируясь на эти ценности, можно мотивировать не формальное, а заинтересованное отношение молодежи к изучению права и применению этих знаний не только в личных, но и социально значимых целях.

Уже сама эта концепция, как определенная теория, представляет собой идеологический уровень правосознания, но она становится также философско-мировоззренческой основой и для его социально-психологического уровня. Эта концепция способна в процессе образования и воспитания молодого поколения оказывать влияние на аксиологически-мотивационную сторону правосознания как в законотворческой, так и в правоприменительной практике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Алексеев С. С. Общая теория права: / С. С. Алексеев. В 2-х т. - Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1982. – 300 с.
2. Керимов Д. А. Методология права./Д. А. Керимов - М.: СГАС., 2000. – 520 с.
3. Долгова Е. А. Право и правосознание: взаимодействие, общность и различия / Е. А. Долгова // Труды СГА. – 2009. – № 11. – С. 21-29.
4. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
5. Нерсесянц В. С. Философия права: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – 656 с.
6. Петровський П. М. Цінність гуманітарної методології постмодернізму для демократичного врядування // Філософські дослідження: зб. наук. пр. – Луганськ, 2011. – Вип. 14. – С. 216-228.
7. Сапельников А. Б. Теория государства и права. Учебник для юридических высших учебных заведений / А. Б. Сапельников, И. Л. Честнов. - СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2006. – 279 с.
8. Социально-антропологический подход к онтологии права // Социальная антропология права современного общества. / [Под ред. И. Л. Честнова]. – СПб., 2006. – С. 95.
9. Честнов И. Л. Методология и методика юридического исследования. Учебное пособие / И. Л. Честнов – СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2004. – 128 с.